

ОТЗЫВ

официального оппонента, к. филол. н., доцента Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Селезнева Михаила Георгиевича
о диссертации Сгонновой Александры Юрьевны «Религиозное значение идеи царской власти в иудаизме в эпоху Второго Храма и новозаветная перспектива», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.9. — Философия религии и религиоведение

В диссертации рассматриваются представления о царской власти в иудаизме эпохи Второго Храма. Тема представляется актуальной по ряду причин. Во-первых, иудаизм эпохи Второго Храма – это важнейший момент в истории монотеистических религий, перекресток культур, от которого отходят дороги раввинистического иудаизма и христианства. Анализ представлений о царской власти в иудаизме этого времени важен, в частности, для понимания мессианских течений и мотивов в этих религиях. Во-вторых, в нашу эпоху, которую многие считают пост-секулярной, проблема религиозной легитимации светской власти вновь оказывается актуальна, и тематика соотношения религии и власти в самых истоках христианской и иудейской традиций заслуживает самого внимательного изучения.

Работа состоит из Введения, трех глав и заключения.

Во ВВЕДЕНИИ диссертант обосновывает актуальность исследования, формулирует объект, предмет, цель и задачи исследования, уточняет методологию исследования и используемые источники, говорит о научной новизне, теоретической и практической значимости исследования, перечисляет выносимые на защиту положения и описывает структуру диссертации.

В ГЛАВЕ 1 рассматривается нарратив о царе Давиде, каким этот нарратив предстает перед нами в канонических книгах Ветхого Завета и каким он преломляется в последующей литературе. В этом нарративе выделяются отдельные «паттерны». Исследуется влияние этого нарратива и этих «паттернов» на образ царя Ирода в иудейской традиции (прежде всего у Иосифа Флавия), а также на образ Иисуса в синоптических евангелиях. То, как «паттерны», связанные с библейским повествованием о Давиде, отражаются в образе Ирода, представляет собой, на мой взгляд, одно из самых интересных мест диссертации. Жизнь Ирода была действительно в ряде деталей чем-то похожа на жизнь библейского Давида, - и еврейская традиция (прежде всего Иосиф Флавий), как показывает диссертант, сознательно или бессознательно педалировала эти сходства. В образе евангельского Иисуса «паттерны»,

связанные с библейским повествованием о Давиде, напротив, немногочисленны и фрагментарны. Диссертант не усматривает наличия такого рода «паттернов» в нарративах про Иуду Маккавея – хотя на эту тему (и на мой взгляд, совершенно справедливо) обратили особое внимание, в частности, Н.В. Брагинская и А.И. Шмаина-Великанова в «Четырех книгах Маккавеев».

ГЛАВА 2 посвящена образу «Сына Человеческого» в книге Даниила и последующей литературе. В этом образе диссертант усматривает определенные черты и «паттерны» «мистического царя будущего века». Рассматривается преломление этого образа в Новом Завете, в ряде апокрифических/псевдоэпиграфических текстов, а также в «Исходе» Иезекииля трагика.

Такой расширенный подход к понятию «царственности» продолжается и в ГЛАВЕ 3, где рассматриваются царские черты и «паттерны» в образах священника и мудреца-праведника. Именно эти два образа – священника и мудреца – предстают в еврейской литературе Второго Храма как настоящие вожди еврейского народа.

Таким образом, как показывает диссертант, хотя царская власть и не играет в еврейской литературе эпохи Второго Храма такой роли, как в более архаических культурах Ближнего Востока (египетской, месопотамской), тема царственности не забыта. Хотя на протяжении большей части эпохи Второго Храма (вплоть до восшествия на престол Аристокбула Филэллина, 104 г. до н.э.) у евреев нет царя, а далее цари есть, но народ их скорее ненавидит, – диссертант показывает, что отдельные образы, нарративы, «паттерны», связанные с царской властью, оказывают влияние на литературу, религию и историю народа в большей степени, чем это кажется на первый взгляд.

Диссертант хорошо знает научную литературу, аргументация логична. Работа заслуживает того, чтобы ее автор был удостоен искомой степени. Ниже я привожу отдельные замечания к диссертации, не противоречащие такой оценке.

Мне непонятна фраза (стр. 10) «Обратим внимание прежде всего на то, что в начале нашего периода, в эпоху персидского владычества, царская власть уже представляет собой для иудейских авторов исторический институт, играющий важную роль в религиозной жизни». В эпоху персидского владычества царской власти в Иудее вообще нет (если не считать власти далекого персидского царя, который не играет важной роли в религиозной жизни). Или речь идет об исторической памяти еврейского народа (= «исторический институт, игравший до Плена важную роль в религиозной жизни»)?

На стр. 12-14 дается перечень источников и их датировки. Я бы считал желательным сопроводить все датировки если не кратким обзором дискуссии по данному поводу, то хотя бы ссылками на литературу, из которой эти датировки взяты, – тем более, что некоторые из

них спорны. Так, книгу Иисуса сына Сирахова чаще датируют началом II в. до н. э., а не III, поскольку в 50 главе книги о первосвященнике Симоне (ок. 219-196 гг. до н.э.) говорится, как кажется, как об уже ушедшем из жизни (см., напр. Aitken J. K. (ed.). *The T & T Clark Companion to the Septuagint*. Bloomsbury Publishing, 2015. P. 412).

Нельзя, к сожалению, сказать про книгу Иисуса сына Сирахова, что «древнейшие рукописи большей части текста обнаружены в кумранской библиотеке (2Q18, 11QPs^a)». Упомянутые две рукописи, 2Q18 (=2QSir) и 11Q5 (=11QPs^a), дают нам, в совокупности, не большую часть текста, а лишь фрагменты двух глав из 51.

Утверждение, что «образ Давида как идеального лидера Израиля сочетает в себе все черты избранного праведника, а именно пророка и первосвященника» (стр. 24) вызывает у меня сомнения: Давид нигде не именуется (перво)священником, не он, а Соломон фигурирует в нарративе про Храм, более того – Бог запрещает Давиду, как «пролившему много крови» строить Храм (1 Пар 22:8). Действительно, согласно 2 Сам 6 Давид совершает жертвоприношения, когда переносит Ковчег в Иерусалим, но совершение жертвоприношений – как это видно по тем местам исторических книг Библии, которые не до конца были отцензурированы последующими редакторами, – не рассматривалось в древнейших слоях библейской традиции как прерогатива первосвященников. Саул, например, тоже приносит жертвы, но образ Саула уж никак не может рассматриваться как прототипический для (перво)священника. Т.о. Давид в библейском нарративе – прототипический царь, но никак не первосвященник. Да и в последующей традиции в качестве прототипического первосвященника мы встречаем Мелхиседека, Садока, Левия, Аарона – но никак не Давида.

На стр. 49 говорится, что «Для евангелиста Матфея одной из ведущих тем было восстановление престола царем Давидом». Мне это утверждение кажется странным: евангелие от Матфея, как и все четыре евангелия, явно рисует Иисуса не как земного царя, а как Того, кому предстоит быть убитым, а затем получить «всю власть на небе и на земле». Земные политические амбиции чужды общине Матфея, как и вообще раннехристианским общинам.

Диссертант пишет (стр. 66): «Само представление о воскресении мертвых появляется в Ветхом Завете. Иез. 37:1-15, Дан. 12:1-3, Ис. 25:8, Ис. 26:19-31 раскрывают перед нами картину воскресения». В некоторых из этих текстов (напр., Иез. 37:1-5) речь скорее всего идет о воскресении как метафоре. Текст Ис. 25:8 «Поглощена будет смерть навеки, и отрет ГОСПОДЬ Бог слезы со всех лиц, и снимет поношение с народа Своего по всей земле» по-видимому, вообще не имеет – по крайней мере в своем первоначальном прочтении – отношения к воскресению мертвых. Следует отметить, прежде всего, что у Исаяи «смерть» может выступать как метафорическое обозначение врагов Израиля (Ис 28:14-19) или

бедствий, выпавших на его долю. Однако даже если исключить такое понимание для Ис. 25:8 и считать, что речь идет о смерти как таковой (ср., впрочем, "The thought that this refers to "death" per se ignores the definite article" (Watts, J. D. W. *Word Biblical Commentary : Isaiah 1-33* (Revised Edition). Nashville: Thomas Nelson, 2005, P.391)), - пророчество о прекращении смерти в какой-то момент истории Израиля никак не подразумевает воскресения уже умерших ранее. Позднейшая христианская экзегеза этого стиха нерелевантна для реконструкции того, что имелось в виду в Ветхом Завете.

На стр. 74 разбирается отрывок IQS^a II 11–12. Существует несколько прочтений этого сильно поврежденного еврейского текста (см. Амосин, *Тексты Кумрана*, Вып. 2, стр. 165, прим. 30). Диссертант дает еврейский текст по общепринятому на сегодня чтению, а перевод – по Амосину, который следует за необщепринятым чтением Ядина. Несоответствие приведенного еврейского текста и его перевода сбивает читателя. Возможно, лучше было бы дать параллельно оба чтения, каждое со своим переводом

На стр. 91 диссертант пишет про Дан. 7, что «Слава в данном отрывке впервые применяется как описание Бога, Его Самого или же формы эманации». Если речь идет об употреблении образа «Славы» (Кавод) в описании теофании, то, конечно же, тексты Пятикнижия или Иезекииля, где этот образ активно используется, древнее, чем Дан 7.

На стр. 93 диссертант пишет: «Судьи в еврейской Библии могут называться *элохим* (עֲלֵמִים)». Таково, действительно, мнение позднейшей еврейской экзегезы (напр. Маймонид): сталкиваясь с контекстами, где понимание слова *элохим* (עֲלֵמִים) в его естественном значении «Бог» или «боги» казалось позднейшим экзегетам богословски неприемлемым (напр., Исх 21:6), они стали переинтерпретировать в этих контекстах слово *элохим* (עֲלֵמִים) как «судьи». В современной библеистике такая интерпретация считается поздней и тенденциозной.

На стр. 118, говоря о крещенской теофании, диссертант пишет: «Наиболее полное описание теофанического явления мы видим у Матфея». Мне не очевидно, чем именно описание крещения у Матфея полнее, чем у более раннего, как принято считать, Марка. У Марка Иисус видит разрывающиеся небеса и сходящего на него Духа Божьего; голос с небес обращается к Иисусу. У Матфея предполагается, что все присутствовавшие видят эту сцену и слышат слова голоса с небес, который говорит об Иисусе в третьем лице. Эти различия богословски существенны, но они никак не связаны с *полнотой* описания.

На той же стр. говорится, что второй теофанией «является история Преображения, которую мы находим в Евангелии от Матфея и Луки». Мне непонятно, почему не упомянуто описание Преображения в Мк 9, тем более, что, по-видимому, и Матфей и Лука опираются здесь на Марка.

Разбирая (стр. 139) похвалу Иисуса сына Сирахова Давиду, диссертант цитирует Сир 47:13: «ГОСПОДЬ отпустил ему грехи и навеки вознес рог его и даровал ему завет царственный и престол славы в Израиле» - и говорит что этот текст «описывает Давида как обладающего всеми чертами царя: он владеет рогом (что в ветхозаветном контексте может быть равнозначно царскому жезлу), венцом Славы, заветом и тронном». Очевидно, однако, что «рог» здесь имеется в виду не материальный, а сугубо метафорический, генетически связанный с метафорическим образом царя как быка. Таким рогом нельзя владеть, и он не может быть равнозначен такому, пусть символическому, но материальному предмету, как царский жезл.

Фраза диссертанта на стр. 156 «В течение периода Первого Храма пророчество было нормальным способом общения Бога и человека» вызывает сомнения на нескольких уровнях. Во-первых, нам очень трудно с уверенностью говорить о чем бы то ни было применительно к т.н. эпохе Первого Храма – по той простой причине, что все имеющиеся у нас традиции и тексты прошли очень сильную редактуру в эпоху Второго Храма. Во-вторых, даже если бы все, что мы читаем в библейских текстах про события первой половины I тыс. до н.э., можно было бы воспринимать буквально, все равно исключительные переживания и действия библейских пророков, как они описаны в Библии, трудно было бы считать «нормальным способом общения Бога и человека».

Высказанные замечания не влияют на достоинства работы. Диссертация Сгонновой Александры Юрьевны «Религиозное значение идеи царской власти в иудаизме в эпоху Второго Храма и новозаветная перспектива» соответствует требованиям пп.9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» (Постановление Правительства РФ N 842 от 24 сентября 2013 г.), предъявляемым ВАК Министерства образования и науки РФ к кандидатским диссертациям, а её автор заслуживает присуждения искомой ученой степени. Автореферат и опубликованные статьи в полной мере отражают содержание диссертации.

Доцент Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат филологических наук Михаил Георгиевич Селезнев

9 мая 2023 г.

10.05.2023

Подпись заверяю

СПЕЦИАЛИСТ
ПО ПЕРСОНАЛУ
КИСИН М.

